

«Милорд король, я рад, что ты дал мне слово. Хотя я и приговорен к смерти, все же ты должен меня выслушать. За все время твоего царствования я много раз давал тебе полезные советы, которые послужили твоей выгоде, и в час испытаний я всегда оставался подле тебя, тогда как прочие звери предпочитали обратиться подобру-поздорову. А теперь мои недруги злобно оболгали меня, и я не могу даже оправдаться, – как же мне не жаловаться?! Молю тебя об одном – выслушай мою исповедь! И тогда ты сам разберешься, и все вернется на круги своя. Ведь добрые дела следует помнить. Я вижу перед собой своих родичей и друзей, которые, между тем, не много дадут за мою жизнь. И даже они, милорд король, станут горевать в своем сердце, если ты меня несправедливо накажешь. Ибо тогда ты лишишься самого верного слуги во всех своих владениях. И неужели ты думаешь, милорд король, что, будь я виновен в каком-нибудь преступлении, я пришел бы ко двору, туда, где меня ожидают одни лишь недруги? Нет, господин мой, ни за что на свете, даже за все червонное золото. Ведь я же был свободен и жил себе как хотел. И для чего бы мне приходиться сюда? Но Господь милостив, я знаю, что невиновен и чист душой, вот почему я открыто, при свете дня явился к тебе и готов ответить на все претензии и жалобы, какие только можно против меня выдвинуть.

Когда Гримберт мне принес эти вести, мне сделалось так нехорошо, я словно ума лишился и стал метаться, право же, как сумасшедший. И не будь я отлучен от Церкви, я отправился бы тотчас же, без малейшего промедления. А вместо того я пошел в луга и бродил там неприкаянно, не зная, как поступить. И тогда мне повстречался Обезьяна Мартин, мой дядя. Он мудр, он умнее и учнее многих священников. Он девять лет служил адвокатом при епископе из Камерика. Увидев, в какой я печали, дядя сказал мне так:

„Милый кузен, кажется мне, что ты предаешься печали, какая же тому причина? Что тебя расстроило? Когда ты в чем-нибудь виноват, лучше рассказать об этом друзьям. Настоящий друг – бесценная поддержка. Он поможет советом и примет более верное решение, нежели сам провинившийся. Потому что когда ты виновен, ты столь угнетен сознанием своей вины, что у тебя не хватит сил изыскать средство для спасения. И люди тогда так предаются горю, что совсем теряют способность мыслить разумно“.

„Любезный дядюшка, – ответил я ему, – ты совершенно прав. Именно так и случилось со мной. Меня незаслуженно сочли виновным перед тем, кого я считал своим лучшим сердечным другом, перед Кроликом. Он пришел ко мне вчера поутру, когда я сидел около дому и читал молитвы. Он приветствовал меня и сказал, что собирается во дворец. Я тоже с ним поздоровался. И тогда он мне говорит: «Рейнард, я очень голоден, не найдется ли у тебя какой-нибудь еды?» – «Конечно, – ответил я, – у меня еды вдосталь. Подойди-ка поближе». И я дал ему пару булочек со сладким маслом. Была среда, а в этот день я воздерживаюсь от скоромного, к тому же тогда еще был канун Троицы. Ибо тот, кто желает постичь высшую мудрость и жить духовной жизнью в полном согласии с заповедями Господа нашего, должен поститься, приготавливая себя к великим праздникам. *Et vos estote parati*¹⁵. И вот я дал ему вкуснейший белый хлеб со сладким маслом, и эта пища, я полагаю, облегчила страдания голодного.

Когда он наелся до отвала, прибежал Росель, мой младшенький, и хотел было собрать крошки. Детишки ведь всегда рады перехватить кусочек-другой. Но едва только он протянул руку, как Кролик ударил его со всего размаху по лицу и разбил ему губу, да так, что тот едва сознания не лишился. Это видел мой старший сын Рейнардин, он стремглав бросился на Кролика и чуть было не откусил ему голову, но я успел вовремя вмешаться и спасти Лапреля. После чего я примерно наказал своего сына, а Кролик поспешил к милорду королю рассказывать, что я чуть его не загрыз. Видишь, дядюшка, как дело было, и вот теперь меня незаслуженно обвиняют, а я даже и не думаю жаловаться.

Потом прилетел Ворон Корбант и стал что-то заунывно кричать. Я спросил, отчего он такой печальный, и он сказал мне, что умерла его жена. Поела она дохлой зайчатины, в которой было полно личинок и червей, и вот эти-то черви и перегрызли ей горло. Я спросил, как же может такое быть, но он не стал объяснять, а полетел своей дорогой. Я же остался где стоял. А теперь он говорит, что это я перегрыз ей горло, но мне ведь даже не подойти к ней: она-то летает по небу, а я хожу по земле. Вот видишь, милый дядюшка, как меня оболгали, и судьба от меня отвернулась. Ве-

¹⁵ Бодрствуйте (Мтф. 26, 41).